Рогов Илья Игоревич

ПРОБЛЕМА АНАЛИЗА НОМАДИЧЕСКИХ ИМПЕРИЙ МЕТОДАМИ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

В статье раскрываются вопросы исторического характера о сущности номадических политических образований - империй кочевников. Основное внимание автор уделяет анализу свойств кочевых политий. Автором привлечены мнения и цитаты как классических, так и современных отечественных специалистов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-1/45.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. I. С. 164-168. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 316.323.6:327.2

В статье раскрываются вопросы исторического характера о сущности номадических политических образований – империй кочевников. Основное внимание автор уделяет анализу свойств кочевых политий. Автором привлечены мнения и цитаты как классических, так и современных отечественных специалистов.

Ключевые слова и фразы: номадические империи; империи варваров; кочевые империи; управление империей; варваризация имперской периферии; варваризация постимперской территории; мир-система; центр-периферия; имперский цикл.

Илья Игоревич Рогов, к. филос. н.
Кафедра социологии
Северо-Кавказская академия государственной службы
rogov.skags@narod.ru

ПРОБЛЕМА АНАЛИЗА НОМАДИЧЕСКИХ ИМПЕРИЙ МЕТОДАМИ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ©

Вопрос об исторической роли империй кочевников представляется актуальным как в контексте исторических исследований, так и в рамках сравнительной политологии.

Имеется одна достаточно распространённая идеологема в отношении номадических государственных образований. В самых различных исследованиях можно встретить тенденцию к идентификации номадических империй и империй варваров. Эта традиция берёт своё начало от рассуждений о судьбе Гесперии – Западной Римской империи, нашедшей свой конец под ударами готов и вандалов.

Прежде, чем мы займёмся анализом этой проблемы, имеет смысл предложить читателю рабочее определение империи. Империя – политическая единица, чья территория оказывается больше территории среднестатистического государства, населённая сплочённым народом, стремящимся к расширению (суперэтносом), который осуществляет свою территориальную экспансию, руководствуясь мессианской идеей.

Начать стоит с вопроса, почему номадические государства принято обозначать как империи. Во-первых, по причине звучности самого термина. «Империи варваров», «кочевые империи» – эти словосочетания сами по себе обладают магнетическим звучанием и удовлетворяют интуитивной тенденции значительного числа социальных аналитиков – стремлению манипулировать словами, подчинить саму реальность значениям слов. Во-вторых, грубая эстетика звучания предполагает определённую исследовательскую культуру и стремление к познанию сокрытого на периферии истории. В-третьих, все каганаты варваров и номадов проводили экспансионистскую политику, все строились на принципе единоличного авторитарного правления и потому идентифицируются апологетами «открытого общества» и империофобами как империи собственно; а от них смысл транслируется к индиферрентным субъектам и становится общеупотребительным.

Поскольку центр в номадических империях чаще всего сосредоточен в личности завоевателя-полководца, то такая империя зачастую распадается со смертью этого правителя. Данный факт во многом и способствует появлению ярлыка «варварства». Если же обратиться к семантике словосочетания «*империя варваров*», оно должно поразить услышавшего его своим внутренним противоречием. Империя (хорошая или плохая, основанная на силе или свободе) – сложная геополитическая организация, макросоциум. Управление империей (проблема контроля) – всегда управление движением масс народа, социальными трансформациями, идеологическими войнами. Варвары же в современном значении этого слова – дикари, противостоящие цивилизации. А племена пуштунов и банту, или подобных им, на протяжении наблюдаемой истории цивилизации просто неспособны на построение настолько сложной иерархии. Я не хочу сказать, что упомянутые этносы неполноценны. Варвары могут сокрушить агонизирующую империю и на её руинах создать нестабильные королевства. Но на большее – на создание сложной формы организации социального – варвары не способны ни по уровню своего правового сознания, ни по степени развития социальной иерархии, ни в техническом отношении.

Однако связь империи и варварства - самая непосредственная. За границами цивилизационного колосса империи, действительно, могут иметь место варварские образования. Но к номадическим империям – политическим организациям кочевников - сказанное имеет лишь малое отношение. В историческом контексте уместно говорить не об «*империях варваров*», а, во-первых, о *варваризации имперской периферии* и, во-вторых, о *варваризации постимперской территории*.

Понятия номадической империи и империи варваров – термины, обозначающие зачастую разные реальности. Империи варваров – терминологический нонсенс идеологического происхождения, который должен быть заменён термином «*постимперская варваризация*». Номадические империи – альтернатива классическим континентальным империям.

Номадические империи – это не только Чингисхан, это, в первую очередь Александр Македонский, солдаты которого несли в Персию достижения греческой цивилизации. И первая, и вторая империи были высокоразвитыми социальными структурами. Если в случае Александра Македонского это очевидно «само собой» – из-за чрезвычайного внимания европейцев к его персоне, то сведения о культурном уровне империи Чингисхана можно почерпнуть не только у Льва Гумилёва и школы евразийцев, но и во всей азиатской

© Рогов И. И., 2011

историографии. И чингизид Бабур, и Джавахарлал Неру – все подчёркивают сложность политической и военной структуры монгольского социума [4, т. 2, с. 192]. Империи завоевателей не могут быть варварскими – это историческое противоречие, если не сказать «историческая ложь».

Отечественный антрополог, историк, археолог Николай Николаевич Крадин, специализирующийся на теориях социальных эволюций и социальной археологии утверждает, что именно номадической империей монголов была создана на просторах Евразии первая «мир-система» [3, с. 320]. Социальные и экономические основания этой мир-системы несколько иные, нежели у валлерстайновских мир-систем средиземноморья, но она была создана, и этот прецедент важен сам по себе.

В начале жизненного цикла империи возможен номадический период как один из этапов становления имперообразующего этноса или его симбиоза с другими. Показательно, что, прослеживая историю становления и упадка Золотой Орды и историю становления России, мы наблюдаем симбиоз номадического принципа с континентальным, где конечная точка стабилизации – империя Российская. Обзор нашей истории представляет интересную картину. Захвачены огромные территории, но они – не колонии. Народы покорены, но в рабство не обращены (в рабстве – крепостном праве – пребывал собственный, имперообразующий этнос). Территориальные границы центра и периферии размыты: они прослеживаются только там, где до включения в империю существовали древние царства. Соотношение «центр-периферия» – не империалистическое, а преимущественно административное.

Но номадическое состояние России сохранилось спустя столетия после падения Золотой Орды. Когда миллионы русских осваивали Сибирь, Дальний Восток и Аляску, они были такими же номадами, как и всадники Чингисхана…

Для отечественных и западных апологетов «открытого общества» такие слова – что бальзам на душу. Они лишний раз подтверждают тезис о варварстве русских, о варварстве татар, о варварстве всех неевропейцев и т.д. и т.п. Но для исследователя империй всё сказанное – лишь подтверждение тезиса, согласно которому империя несёт мир и стабильное управление в осваиваемые регионы: состояние кочевничества не есть состояние варварства.

Империи, созданные путём завоевания вообще – поэтапного, эпохального продвижения к горам и океанам, порой с перерывами на столетия, одним словом, развития вширь, не могут стоять на одной доске с империями, образованными как результат деятельности полководцев-завоевателей, стремящихся к мировому господству. Такие люди как Александр Македонский, Наполеон, Чингисхан знали (или думали, что знают), куда и зачем направляют свои легионы. Великим завоевателям было известно своё предназначение: стать властелином мира. Социальные, гуманитарные, религиозные и политические проекты носили в сознании этих людей лишь вторичное значение. И потому судьба империй, созданных путём кратковременного завоевания, была недолговечна и плачевна: будучи собранной искусственно, на пепелище, такая империя оказывалась социальным уродом и распадалась о смертью правителя.

Империи великих завоевателей не обязательно есть империи номадических народов.

Рассматривая номадические политические образования и связанные с ними «империи варваров», имеет смысл сказать несколько слов о завоеваниях вообще, и как последние формируют политические пространства. Первая группа политических систем образуется, как мы видели, из-за стремления к мировому господству, самоощущения предназначения стать Князем Мира сего. Вторая может быть охарактеризована как мессионерски-ориентированные завоевания. В нашем проблемном поле это в первую очередь колониальные морские империи. И третья группа окажется в таком случае толерантными, веротерпимыми, или, если определять критически, кратологическими образованиями. В данную категорию попадёт большинство континентальных империй.

Империи, да и просто политические единицы, образовавшиеся путём завоеваний, нельзя ровнять с империями великих завоевателей, стремящихся к покорению мира в целом. Тот, кто движет легионы для достижения личной, и, как правило, безграничной власти отличается от полководца, служащего идее государства, идее империи, даже если последний сам обладает статусом императора.

«Рядом с ним – легионер, под грубым кварцем. Он в сражениях Империю прославил» – так Иосиф Бродский очертил судьбу человека, послужившего распространению цивилизации [2, с. 213]. А какую империю прославил Наполеон, кроме собственной, созданной для себя и во имя себя? А Александр Македонский, кроме самого себя? Или Аттила. Эти люди разительно отличаются и от Диоклетиана, и от Фридриха II, и от Александра III, и от королевы Виктории.

Каков жизненный цикл номадического образования? Этим вопросом представители осёдлых цивилизаций задались сразу по мере возникновения степной угрозы. Отцом-основателем и уважаемым авторитетом в этом вопросе принято считать Ибн Хальдуна – арабского историка и социального философа XIV века. Последний имел как исторический материал для своих размышлений (возникновение Халифата от кочевых арабских племён), так и обилие примеров для наблюдений (вторжение Тамерлана на Ближний Восток).

Рассматривая пять этапов существования государства – возникновение власти вследствие завоевания, её централизация в руках одного, стабилизация и укрепление государства, постепенная деспотизация и переход к насилию, которые завершаются упадком – Ибн Хальдун заложил основы философии истории цивилизационного подхода [1, с. 117]. Государство проходит указанные этапы за время жизни трёх поколений, а именно, 120 лет. Первое поколение, выросшее в суровых условиях степей и песков, внутренне монолитно и держит власть, помня, что сила – единственная их легитимность в глазах покорённого населения. Второе поколение, смешиваясь с представителями автохтонных этносов, становится изнеженным и трусливым, неспособным самостоятельно защищать завоевания отцов. Оно использует для укрепления власти наёмников и выстраивает замкнутую сословную иерархию. Третье поколение окончательно теряет героическую легитимацию, полагается

только на золото и наёмную армию и потому не может более сопротивляться номадическому завоеванию, движущие силы которого находятся на той же ступени самосознания, что и деды нынешних цивилизованных правителей. Так новая волна варваров, приходя из песков, хоронит прибрежные к номадическому ареалу государства. Круг замыкается, хотя в отдельных случаях цикл может пройти и за меньший отрезок времени.

Однако примеры для наблюдений Ибн Хальдуна – суть уникальные социальные факты, специфичность которых обусловлена не только временем, но и местом. В моделировании исторического цикла сравнительно несложно выделить и описать этапы, но практически невозможно точно спрогнозировать даты предстоящих событий. Невозможно, да и не нужно. Когда появляется вопрос «какое точно количество лет?», социальная философия заканчивается.

Тойнби, ссылаясь на Ибн Хальдуна, отмеряет жизнь кочевой империи также в три поколения (120 лет), объясняя кратковременность неразвитостью властных институтов [6, с. 347]. Для человека с «бременем белой расы» на плечах деградация ханской власти – нечто само собой разумеющееся. Для усиления своей аргументации Тойнби приводит слова из Евангелия о семени, что упало на каменистую почву, быстро взошло, но и быстро завяло [Там же, с. 356]. Но сколь бы сильны не были слова апостола, в западных исследованиях традиционно отсутствует осознание необходимого условия успешности номадических завоеваний: слабости осёдлых цивилизаций. Когда варвары из прерий или степей с улюлюканьем обрушиваются на города за каменными стенами, при каких условиях они могут победить? При двух: более высокой организации военного дела и более высоком пассионарном напряжении. И следующей из них сложноорганизованной социальной организации. Почему монголы завевали Русь? Помимо пассионарного накала, их армия была лучше технически оснащена. Чего нельзя сказать о ливонцах или тевтонском ордене.

Согласно мысли британского историка, за полтора-два столетия осёдлые племена отходят от шока военного завоевания и экономически возрождаются, тогда как их номадический центр деградирует. Данное утверждение имеет хорошее паблисити в исторической науке, обусловленное весом имени самого Тойнби. Думаю, читатель знает, что время колониального господства со стороны Золотой Орды продолжалось более 120 лет. Если же рассматривать этот тезис на примере Гесперии, то последняя никогда не возродилась. Вне зависимости от жизненных сил гуннской или аварской орды.

Тойнби находит следующие подтверждения кратковременности номадических империй. Во-первых, авары в борьбе со славянами истощили свои силы за полстолетия, а ещё спустя два века были добиты Карлом Великим. Во-вторых, племенной союз западных гуннов распался сразу со смертью Аттилы. В-третьих, власть монгольских ильханов в Иране закончилась примерно за 80 лет. В-четвёртых, великие ханы правили в Южном Китае 147 лет, с 1280 по 1454 годы. В-пятых, мадьяры растворились в Европе менее чем за столетие, оставив после себя только название страны.

Все перечисленные примеры очередной раз иллюстрируют вольное обращение с термином «империя». На самом деле, в большинстве перечисленных примеров мы имеем дело с племенными союзами, из которых только организованный Аттилой может претендовать на статус империи. Как по причине серьёзности военной угрозы, так и по внутренней схожести с империей Александра Македонского. Но оба этих государственных образования, по сути, геополитических поля, относятся к псевдоимпериям. Отсутствие скрепляющей идеи, правовых и административных институтов, и так далее, и тому подобное. Что же говорить о прочих?

Именно те примеры, которые Тойнби рассматривает как исключения из правил – 200 лет монгольского владычества в Северном Китае, 300 лет господства парфян над Ираном и 500 лет османского владычества над православными народами - следует считать закономерными результатами номадического влияния и, в большей степени, полноценными имперскими образованиями.

Перечислив временные несовпадения, мы хотели проиллюстрировать ту простую истину, что от многих прекрасных построений придётся отказаться, как только мы свяжем себя прокрустовым ложем точного времени цикла. Требования уточнить, сколько лет необходимо на тот или иной цикл или его часть, порождают комплекс уточняющих вопросов, который сводится к необходимости введения дополнительных параметров, критериев, коэффициентов. Если Иго на Руси длилось более 120 лет, то уместно уточнить, во-первых, границу между теми княжествами, которые следует считать непосредственной зоной симбиоза с кочевниками, и теми, которые испытали на себе только политическое и налоговое бремя. Во-вторых, самих номадов следует классифицировать по степени «номадичности», а именно – приверженности «героическому» образу социализации. В-третьих, следует ответить на немаловажный вопрос: номады степей и номады пустынь – суть различные общности, объединённые под этим именем спекулятивно, либо же мы имеем дело с универсальной моделью организации сознания. И так далее. Перечисленные задачи выходят за рамки данной работы, но хорошо иллюстрируют всю неоднозначность понятия «номадическая империя».

Древние письмена Ибн Хальдуна, усовершенствованные теорией насилия (Людвига Гумпловича) и концепцией Вызова-Ответа, приобретают в современной исследовательской терминологии формулировку сменяющихся монархий. Так д.и.н. С. А. Нефёдов, используя терминологию Н. Н. Крадина, рассматривает существование кочевых обществ следующим образом [5, с. 85]. Изначально существующая в «азиатском способе производства» этатистская монархия (грубо называемая иногда восточной деспотией) после завоевания кочевниками приобретает форму ксенократической сословной монархии, в которой кочевники-завоеватели составляют привилегированное сословие. Когда автократия (ксенократия) слабеет и сменяется феодальной монархией, государство вступает в форму стабилизации и внутренней борьбы за ресурсы. Инерциальную стадию, одним словом.

Номадические империи недолговечны. Обратное пока никто не доказал. Думаю, что несоответствия в их исследованиях во многом обусловлены мнимым противопоставлением вечно дикого номадического центра и вечно высокоразвитой осёдлой периферии. Развивая такую историческую схему, её авторы и их читатели

фактически подпитывают подсознательную уверенность, что варвары стремятся перманентно пребывать в своём варварстве, завоёвывая осёдлые цивилизации исключительно из зависти, злобы и жажды наживы. Возможно, такие рассуждения – результат контактов с индейцами Америки и аборигенами Африки – жителями континентов, за счёт которых развивалась колониальная система. К кочевникам же Азии такие рассуждения неприменимы. Племена Великой Степи не только сами стояли на высокой, хотя и специфической ступени развития, каждый из улусов Монгольской империи оказал неизгладимое влияние на захваченные территории: и на Китай, и на Индию, и на Русь.

Зная отечественную историю, понимая *как* и *почему* империя Российская наследовала империи Монгольской, следует говорить не столько о *циклах номадических империй*, но о *номадическом цикле континентальной империи*. Или их взаимопроникновении. Грубо говоря, мы получаем следующую схему.

На первом этапе обветшалые государственные образования (полисы, королевства, империи) принимают на себя удар номадов. Центр образовавшегося геополитического поля находится в ставке Великого Хана, т.е., в степи. Там же располагаются жизненные силы нарождающегося государства. Империя рождается в номадическом состоянии.

На следующем этапе происходит взаимопроникновение ценностей и менталитетов народов кочевого центра и народов осёдлой периферии. По мере упадка одного центра власти (ставки Великого Хана) на авансцену выходят другие и осуществляют первые попытки структурирования геополитического поля. Империя постепенно обретает идеологический стержень – имперскую идею. Номадический цикл завершается.

На третьем этапе происходит территориальная, административная и прочая централизация империи. Формируется институт границ, начинается цикл войн экспансии. Империя обретает свою континентальную форму.

Разбирая этапы, циклы и симбиоз номадических и континентальных образований, мы ещё не касались суммы свойств самой степной империи. Посмотрим же на них.

Н. Н. Крадин выделяет следующие признаки кочевых империй:

1) многоступенчатый иерархический характер социальной организации, пронизанный на всех уровнях племенными и надплеменными генеалогическими связями;

2) дуальный (на крылья) или триадный (на крылья и центр) принцип административного деления империи;

3) военно-иерархический характер общественной организации «метрополии», чаще всего по «десятичному» принципу;

4) ямская служба как особый способ организации административной инфраструктуры;

5) специфическая система наследования власти (империя – достояние всего ханского рода, институт соправительства, курултай);

6) особый характер отношений с земледельческим миром [3, с. 314-336].

Н. Н. Крадин в вопросе классификации кочевых империй следует в мейнстриме современной философии истории и разделяет кочевые империи на:

1. классические;

2. смешанные (земледельческо-скотоводческие) – Арабский халифат, государство сельджуков, Дунайская Болгария, Османская империя;

3. псевдоимперские образования кочевников – кассситы, гиксосы, авары, венгры, Приазовская Булгария, каракидани, татарские ханства после распада Золотой Орды [Там же].

Классические, в свою очередь, делятся на:

1) типичные – кочевники и земледельцы сосуществуют на расстоянии; получение прибавочного продукта номадами осуществляется посредством дистанционной эксплуатации: набеги, вымогание «подарков», по сути, рэкет и т.д. (первое Скифское царство и др.);

2) даннические – земледельцы зависят от кочевников; форма эксплуатации – данничество (Хазарский каганат, империя Ляо, Золотая Орда, Юань и др.);

3) завоевательные – номады завоевывают земледельческое общество и переселяются на его территорию (Парфия, Кушанское царство, поздняя Скифия и др.). На смену грабежам и данничеству приходит регулярное налогообложение земледельцев и горожан.

Несмотря на зримую стройность классификации, хотелось бы обратить внимание читателя на некоторое, возможно неумышленное, противоречие. Государственные и потестарные образования, вошедшие в первый пункт, все, в совокупности, империями не являются. В первом пункте описывается форма межплеменного взаимодействия и террор со стороны кочевых племён. Имперская идея, имперская территория, имперский хронос – всё это здесь отсутствует. Вместо этого общество довольствуется формулой «ценности чужой цивилизации нужны нам как трофеи». По сути, эта формула вкупе с кочевым характером указанных племён явилась единственной причиной идентификации хуннов, сяньби, тюрок, уйгуров и им подобных как имперских этносов. Продолжая указанную логику исследования, обязательно следует занести в список кочевых империй все народности Северного Кавказа, которые вплоть до середины XIX века применяли схожую тактику набегов. Тот неудобный факт, что народы Кавказа обитают в горах (собственно, на Кавказе), не смутит упорных последователей: в таком случае следует ввести новую категорию «горских империй», единственное отличие которых от империй кочевых будет состоять в горном рельефе обитаемого ареала.

Реальная схема развития номадических (кочевых) империй прослеживается в пунктах втором и третьем указанной классификации. К сожалению, только к имперскости Хазарского каганата, Кушанского царства, поздней Скифии и Юань существуют определённые вопросы. А именно: претензия к построению империи была, но насколько она осуществилась? Даже если будет доказано, что одно царство (пусть солидное по

размерам) терроризировало другое царство – отправляло карательные экспедиции, собирало дань и т.п., это ещё не делает царство империей, максимум - доказывает его империализм в прогрессистском смысле слова.

Хочу, чтобы читатель меня правильно понял: я не отвергаю научность построений Н. Н. Крадина, не оспариваю применимость его построений в социальной или политической философии. Я лишь сомневаюсь, что все указанные им номадические империи суть империи. Скорее, мы видим классификацию номадических царств.

Когда мы употребляем фразу «империя кочевников», то, как правило, обращаем свой интерес на вторую часть словосочетания, полагая, что первая сомнений вызывать не должна. Однако дело обстоит не так очевидно. Хотя критерии имперскости (большая территория, населённая многочисленным народом, стремящимся к расширению и пропаганде своих идей и др.) вполне применимы к номадическим империям, сам смысловой, ассоциативный контекст термина «империя» в отношении номадов – суть перенос традиций средиземноморской культуры на реалии Великой Степи. *Imperium Romanum*, Парфянская и Персидская державы, псевдоимперии финикийцев, египтян, афинян, Карфагена, причисляемые рядом исследователей к полноценным, – весь список представлен политическими образованиями средиземноморской культуры. Традиции социальной мысли этого региона сформировали основной тон политической аналитики. Преимущественно греческие и римские. Не стоит забывать, что даже скифов – народ географически близкий Пелопоннесу - греки называли варварами. Поэтому, оценивая империи номадов в терминологии классиков политической мысли – Аристотеля и Цицерона - мы должны понимать, что всё равно исследуем империи варваров – уже не как дикарей, но как чужаков (Aliens). В частности, поэтому из трёх срезов аналитики имперских систем – кратологического, геополитического и этнического - абсолютно применим для номадических образований только последний. Вертикаль «центр-периферия» по уровню «имперообразующий народ – народы - данники» наличествует и в средиземноморском бассейне, и в Великой Степи. Геополитический срез «центр-периферия» внутри континентальных масс лишён пафоса борьбы Суши и Моря и развивается через контроль за города, стоящие на великих и малых шёлковых путях. Кратологический же срез классической политической теории вообще неприменим к среде номадов. К какой форме их властных отношений можно отнести понятие политии? Или демократии?

Автор не призывает читателя к обструкционизму. Империология использует сумму понятий, выработанных европоцентричной политической наукой, и иных стройных гносеологических концептов не знает. Но это не значит, что мы имеем право закрывать глаза на факты несоответствия терминов одной цивилизации (региона) реалиям другой. Поэтому, выстроив концепт империологии в уже разработанных понятиях, мы обязаны отметить те сегменты, которые могут быть в будущем изменены.

Завершая этот краткий очерк, подведем итоги.

Номадические империи – суть специфическая разновидность империй. Какова их специфика? Они возникли в условиях Великой Степи, возникли в условиях, когда социальные межэтнические коммуникации вышли за границы примитивной межплеменной торговли и примитивного же межплеменного разбоя. Условием преобразования небольших по размерам каганатов в племенные союзы и – затем – в номадичесикие империи явилось не только и не столько стремление авторитарно-организованных субъектов к единоличному правлению, сколько выход кочевого социума на уровень осознания необходимости социальной организации. Номадические империи существовали в исторический период, когда ещё не были выработаны эффективные средства административного контроля центра над периферией (уровень социальной теории ещё не вышел на осознание, а технический уровень был примитивен). В силу этого, внутренняя организация империй кочевников обладала конфедеративными чертами, а само их существование было нестабильно.

Список литературы

1. **Бациева С. М.** Историко-социологический трактат Ибн Халдуна «Мукаддима». М.: Наука, 1965.
2. **Бродский И.** Перемена Империи: стихотворения (1960-1996). М.: Независимая газета, 2001.
3. **Крадин Н. Н.** Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации / под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынши. М., 2000. С. 314-336.
4. **Неру Д.** Взгляд на всемирную историю: в 3-х т. М.: Прогресс, 1981.
5. **Нефедов С. А.** Факторный анализ исторического процесса: история Востока. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008.
6. **Тойнби А. Дж.** Постижение истории. М.: Айрис Пресс, 2004.

PROBLEM OF NOMADIC EMPIRES ANALYSIS BY COMPARATIVE POLITICAL SCIENCE METHODS

Il'ya Igorevich Rogov, Ph. D. in Philosophy
Department of Sociology
North Caucasian Academy of State Service
rogov.skags@narod.ru

The author describes the historical questions about the essence of nomadic political entities – nomads' empires, pays special attention to the nomadic polities properties analysis, and presents both classical and modern native experts' opinions and quotations.

Key words and phrases: nomadic empires; barbarians' empires; nomads' empires; empire administration; imperial periphery barbarization; post-imperial territory barbarization; world-system; centre-periphery; imperial cycle.